

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

СЕДОВА ЖАННА ИГОРЕВНА

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ПРИНЦИП
ДОБРОСОВЕСТНОСТИ КАК ОСНОВА РЕГУЛИРОВАНИЯ
ЧАСТНОПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Аннотация диссертации

на соискание ученой степени доктора юридических наук

Специальности 5.1.5 – международно-правовые науки,

5.1.3 – частно-правовые (цивилистические) науки

Научный консультант
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
Нешатаева Татьяна Николаевна

Москва – 2024

Актуальность темы исследования. Происходящее в текущий исторический период пренебрежение устоявшимися нормами международного права, использование государствами односторонних мер ограничительного характера в целях собственной экономической экспансии методами недобросовестной конкуренции являются насильственной ломкой устоявшихся ценностей, отраженных в нормах международного права, пересмотром начал добросовестности и справедливости, служащих основой современного международного права, отражающего согласованное понимание национальных правовых культур на базе естественного права, уважения человеческого достоинства и равенства. В связи с этим возникает необходимость закрепления в нормах международного и национального права запретов тех видов недобросовестного поведения, которые были выявлены судебной практикой по состоянию на сегодня. Такие нормы-запреты имеют важное значение для любого правопорядка и предотвращения любых видов проявления недобросовестности в обществе на всех его уровнях. Однако сначала необходимо определить, какие виды отрицания недобросовестного поведения и коррелирующие с ними правовые средства являются универсальными для всех правовых систем.

Существует объективная необходимость постоянного изучения понятия «недобросовестное поведение» в связи с тем, что добросовестность, как правовое понятие и как принцип права, невозможно понять без ее антипода (недобросовестности, недобросовестного поведения). Автор обосновывает, что «добросовестность и «недобросовестность» существуют в диалектическом единстве. Определить понятие добросовестности можно через познание активно развивающейся недобросовестности, то есть через анализ конкретных практических ситуаций недобросовестного поведения, складывающихся в различных сферах правоотношений.

Следует разработать квалифицирующие признаки недобросовестного поведения и сформулировать обобщающее определение юридического понятия «недобросовестное поведение» в связи с тем, что в настоящий момент

нормативными правовыми актами международного и национального права, в судебных позициях Суда ЕАЭС, ЕСПЧ, высших судов РФ используются разные термины: «недобросовестное поведение», «недобросовестные действия», «недобросовестная практика» и другие их аналоги.

Назрела потребность разобраться в том, как принцип добросовестности, возникший в рамках международной правовой системы, соотносится с такими правовыми понятиями, как: «общие принципы права»; «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями»; «общепризнанный в цивилизованных государствах принцип»; «императивная норма общего международного права (*jus cogens*)»; «общепризнанные принципы и нормы международного права»; «преобладающие императивные положения»; «нормы непосредственного применения»; «положения, от которых не разрешается отступать посредством соглашения»; «публичный порядок»; «сверхимперативные нормы».

Комиссия международного права ООН в настоящий момент работает над проектами конвенций об императивных нормах общего международного права (*jus cogens*) и об общих принципах права. Задачами Комиссии являются устранение путаницы в определении понятий, создание единообразия и унификации использования указанных правовых понятий, формулирование норм об определении понятий, сфере охвата, критериях идентификации, основ, требований для принятия и признания как императивных норм общего международного права (*jus cogens*), так и общих принципов права как одного из источников международного права – «общих принципов права, признанных цивилизованными нациями» согласно п. 1(с) ст. 38 Статута Международного Суда 1945 г., предшественником которого являлся п. 3 ст. 38 Статута Постоянной палаты международного правосудия (Лига Наций, 1920 г.).

Следует учитывать существование «объективной добросовестности» как субсидиарного источника правового регулирования, в связи с чем нормативная автономность принципа добросовестности выделяется автором в самостоятельный вид отрицания недобросовестного поведения.

Несомненно, актуальным для международного частного права и гражданского права является обоснование автором наличия нормативной автономности у принципа добросовестности, предполагающей возможность выведения правоприменителем из принципа добросовестности юридических прав и обязательств для сторон правоотношения, даже если эти права и обязательства не были конкретно сформулированы сторонами в договоре или не были закреплены нормами позитивного права. Данная позиция автора «ломает» существующий в правовой науке юридический оксюморон, заключающийся в утверждении о том, что добросовестность не способна породить права и обязанности, но при этом способна создать принципы и нормы права, которые, в свою очередь, регулируют права и обязанности.

В целях наиболее эффективного применения принципа добросовестности необходимо доказать, что он обладает собственным методом правового регулирования в международном праве, международном частном праве и национальном праве, который заключается в отрицании недобросовестного поведения, в связи с чем актуальным является разработка категории «отрицание» в праве.

Появившиеся в современном международном праве нормы-запреты текущих недобросовестных практик, выявленных судебной практикой, требуют подробного анализа. Такие источники международного права, являясь частью национальных правовых систем, напрямую регулируют правоотношения частных лиц.

Современные международные и национальные источники права (обязательные и рекомендательные) запрещают известные по состоянию на сегодня виды недобросовестного поведения, закрепляя исчерпывающие и неисчерпывающие перечни недобросовестных практик в разных сферах, например: (1) разработанные ОЭСР фундаментальные международные правила по противодействию уклонению от уплаты налогов – General Anti-avoidance Rules (GAAR), представляющие собой общие принципы по выявлению злоупотреблений в налоговой сфере; (2) тридцать один вид

недобросовестных коммерческих практик (исчерпывающий перечень), указанных в Директиве от 11.05.2005 № 2005/29/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О недобросовестной коммерческой практике по отношению к потребителям на внутреннем рынке (Директива о недобросовестной коммерческой практике)»; (3) девять запрещенных недобросовестных торговых практик, которые возникают в связи с продажей сельскохозяйственной и продовольственной продукции, и еще шесть запрещенных видов торговой практики в этой же сфере, если они не были предварительно согласованы в ясных и недвусмысленных условиях в договоре поставки или в последующем соглашении между поставщиком и покупателем («минимальный» исчерпывающий перечень), указанные в Директиве от 17.04.2019 № 2019/633 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О недобросовестной торговой практике в деловых отношениях в сельскохозяйственной и продовольственной цепочке поставок»; (4) неисчерпывающий перечень недобросовестных практик на финансовом рынке, содержащийся в Договоре о сотрудничестве и обмене информацией, в том числе конфиденциальной, между Центральным банком Российской Федерации и Национальным Банком Республики Казахстан в области надзора за финансовым рынком от 07.06.2018; (5) антиконкурентные практики на торгах, противодействию которым посвящена ст. 17 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции». Таким образом, наиболее эффективным в названной сфере является регулирование поведения субъектов отношений посредством установления прямых юридических запретов конкретных видов недобросовестного поведения. Именно такой подход «от обратного» позволяет уточнять современное состояние правового понятия «принцип добросовестности».

При этом чрезмерное появление норм-запретов, с одной стороны, сокращает (ограничивает) меру свободы хозяйствующих субъектов, с другой стороны, опираясь на принцип баланса интересов, позволяет оперативно и эффективно ограничить распространение недобросовестности в любой из

сфер общественных отношений, где активно начинают возникать новые недобросовестные практики поведения. Цель нормы-запрета – незамедлительно купировать недобросовестное поведение и не допустить его распространение и массовое применение.

Для обеспечения надлежащей правовой защиты добросовестно действующего субъекта права, актуальным является вычленение автором видов отрицания недобросовестного поведения и систематизация соответствующих этим видам правовых средств отрицания недобросовестности. Любой субъект, сталкиваясь с поведением партнера или контрагента, которое он считает недобросовестным, должен знать, в каких пределах и ситуациях он может противодействовать такому поведению и с помощью каких юридических механизмов. Актуальным для применения судами видится обоснование интегративного применения принципа добросовестности.

Несмотря на то, что философами, богословами, социологами и правоведами в России и за рубежом написаны многотомные исследования о самом определении добросовестности, в этих работах исследуется генезис понятия только применительно к ментальности цивилизационной группы. Однако применительно к юридической сфере практически не исследуется влияние на выбор человеком модели правового или неправового поведения, оказываемое: ранее – цивилизационными и религиозными различиями, а в настоящее время – решениями, принятыми искусственным интеллектом (нейросетью); высокими гуманитарными технологиями («Hi-Hume технологии»), под которыми понимается конвергенция социальных, информационных, коммуникационных, нейрофизиологических и иных технологий, изменяющих человеческое сознание и управляющих поведением человека как социотехнической системой. Право в текущем моменте не в полной мере учитывает как цивилизационные различия государств, так и влияние Hi-Hume технологий на поведение физических лиц и не использует тот факт, что эти технологии могут разрушать механизмы саморегуляции

человека, в связи с чем поведение субъекта правоотношения под влиянием технологий можно было бы отнести к поведению с пороком воли.

Новые вариации недобросовестного поведения возникли вместе с развитием цифровизации разных сфер деятельности – это произошло в результате оснащённости недобросовестного поведения цифровыми технологиями. На современном этапе общество столкнулось с новым направлением развития недобросовестного поведения – злоупотреблением цифровыми технологиями (кибернедобросовестностью), в связи с чем вопросы реализации субъектами отношений права на защиту от недобросовестного поведения в киберпространстве имеют несомненную актуальность.

Правоотношения в киберпространстве, не имеющем территориальных границ, и трансграничная доступность цифровых технологий дают развитие понятию «цифровое недобросовестное поведение» по отношению к другим участникам цифровых правоотношений. Выявление в киберпространстве ранее неизвестных видов недобросовестного поведения видится возможным, в первую очередь, в силу глобализации экономических практик и в силу универсальности понимания обществом того, что является недобросовестным в реальной и виртуальной жизни.

Эстоппель как принцип права, регулирующий частноправовые отношения, еще не сложился в российской правовой системе. В связи с этим в текущий исторический момент правильнее эстоппель обозначать как юридический механизм защиты принципа добросовестности и как санкцию за нарушение требований принципа добросовестности.

Степень разработанности научной проблемы. Обзор отечественной доктрины. При разработке основных положений, касающихся раскрытия особенностей правовых культур разных государств и этических, моральных и религиозных основ права плодотворным оказалось привлечение работ правоведов С.Н. Бабурина, А.А. Васильева, А.М. Величко, Ю.В. Романца, В.В. Сорокина.

Роль принципа добросовестности в международном праве исследовали такие ученые, как Г.К. Дмитриева, А.Я. Капустин, Р.А. Каламкарян, И.И. Лукашук, Р.А. Мюллерсон, Т.Н. Нешатаева, А.В. Попова, О.И. Тиунов., Г.И. Тункин, Т.Я. Хабриева, С.В. Черниченко. Подробный анализ посвященных добросовестности положений Принципов УНИДРУА неоднократно становился предметом исследований таких ученых, как Н.Г. Вилкова, К.В. Нам. Рассмотрение недопустимости обхода закона потребовало от автора обратиться к работам правоведов в сфере международного частного права А.М. Абдуллаева, А.В. Алешиной, Л.П. Ануфриевой, Е.С. Бариновой, П.В. Баторы, Д.В. Беловой, Н.Г. Вавина, В.А. Косовской, С.Б. Крылова, П.Р. Лукьянчиковой, Л.А. Лунца, А.И. Муранова, О.А. Ряполовой, И.С. Перетерского, И.В. Сазановой, Е.Д. Суворова, В.Л. Толстых и др. Выводы автора в отношении недопустимости нарушения принципа взаимности как одного из видов отрицания в международном праве сделаны с учетом анализа работ Л.П. Ануфриевой, А.И. Бессонова, В.Н. Борисова, К.Л. Брановицкого, Г.М. Вельяминова, Н.В. Власова, Н.Г. Доронина, Д.В. Литвинского и др.

Заслугой целого ряда отечественных ученых является разработка связи общих принципов справедливости и добросовестности в праве: В.А. Вайпана, Г.А. Гаджиева, А.Г. Диденко, И.А. Ильина, А.Я. Курбатова, Г.В. Мальцева, А.В. Коновалова, Л.Л. Кофанова, В.А. Летяева, М.В. Преснякова, Л.С. Явича и др. Исследуя принцип добросовестности в праве как основу отрицания недобросовестного поведения, автор опирался на труды ученых в области гражданского права: Е.В. Вавилина, В.В. Витрянского, Д.В. Винницкого, А.В. Габова, В.Г. Голубцова, Т.Ю. Епифанцевой, О.А. Кузнецовой, К.И. Скловского, В.В. Яркова и др.

В части изучения с точки зрения социологии и политологии процессов глобализации, религиозных постулатов, устанавливающих запрет недобросовестного поведения, погружения в глубинную историю человечества автору помогли выводы, изложенные в работах: А. Берзина, А.И. Литвиненко, А.И. Мальковской, Д.В. Юревича.

Автором для обоснования каждого из правовых понятий («отрицание»; «недобросовестное поведение»; «метод правового регулирования» и др.) и приемлемости их использования изучены труды следующих ученых в области общей теории права: С.С. Алексеева, Ю.Б. Батуриной, В.А. Белова, В.М. Горшенева, В.В. Ершова, О.А. Красавчикова, Г.В. Мальцева, Ю.Б. Масагиной, Г.Г. Пашковой, Б.И. Пугинского, В.А. Сапуна, Е.А. Суханова, М.В. Сырых, Ю.К. Толстого и др.

В целях исследования недобросовестного поведения как объекта отрицания автор ознакомился с выводами о «правовом и неправовом поведении», «правомерном и неправомерном поведении», о нормах правильного и неправильного поведения, разграничении понятий «злоупотребление правом» и «недобросовестное поведение» в работах М. Варюшина, П.Г. Виноградова, В.Л. Вольфсона, В.Н. Кудрявцева, М.В. Новикова, Т.П. Подшивалова, Н.А. Пьянова и др.

Для анализа недопустимости поведения, выходящего за установленные пределы осуществления прав, изучения подходов к определению злоупотребления правом, правовых оснований применения эстоппеля, автор использовал труды В.А. Белова, А.В. Волкова, В.П. Грибанова, А.А. Джагаряна, Н.В. Зайцевой, М.Ф. Лукьяненко, Е.Ю. Маликова, А.А. Малиновского, И.А. Покровского, А.П. Сергеева, Г.П. Толстопятенко, А.М. Эрделевского и др.

В процессе изучения правовых средств противодействия злоупотреблению цифровыми технологиями (кибернедобросовестности) автор проанализировал выводы из работ правоведов А.А. Антопольского, Н.А. Ворониной, И.В. Воробьевой, В.С. Клементьевой, С.Э. Несмеяновой, В.Д. Салахутдинова, М.С. Саликова, А.П. Сергеева, М.Ю. Середы, Т.А. Терещенко, А.И. Хуснутдинова, А.С. Шатиловой, К.С. Ючинсона и др. Для целей определения понятия кибернедобросовестности и ее видов, а также проблем установления правил регулирования правоотношений в глобализированном киберпространстве, где есть проблема осуществления

установления государственного суверенитета в международном праве, автором изучены научные труды и статьи правоведов В.В. Жемерова, Д. Мошникова, М.А. Рожковой, В.Н. Русиновой, Э.В. Талапиной, Л.В. Терентьевой, М.С. Дашян, М.В. Мажориной, Е.К. Матевосовой, И.Е. Михеевой, Н.А. Молчанова.

Правовой доктринальный подход к природе и содержанию суверенитета государств изучен в работах С.Н. Бабурина, Н.И. Грачева, Б.М. Клименко, Р.А. Мюллерсона, Л.Д. Тимченко, Г.И. Тункина и С.В. Черниченко с целью рассмотрения проблемы установления суверенитета в киберпространстве из-за отсутствия в нем территории, и его составляющей – территориального верховенства государства.

Обзор иностранной доктрины. При исследовании категории справедливости и ее критериев имело место обращение к философским аспектам проблемы. Идеи справедливости были изучены в работах Платона, Аристотеля, Фомы Аквинского, в юридических трудах Гуго Гроция, Г. Кельзена, Дж. Ролз. Для анализа общих принципов права и общепризнанных принципов международного права были изучены работы А. Д'Амато, К. фон Бара, Л. Делбеца, Э. Клайва, Ч.Т. Котуби, О. Ландо, А. Прума, Л.А. Собоу, Р. Циммермана. Подробно раскрыли принцип добросовестности Дж. О'Коннор, М.В. Хесселинк, М. Хискок, В. Мичел, Р.Э. Сантони, Д. Стэк, а в положениях Принципов УНИДРУА – Г. Робин, Ал. Фарнсворт и другие.

Свойство нормативной автономности принципа добросовестности в праве изучали такие ученые-международники, как Т. Вун, Р. Колб, А. Митчелл, М. Сорнарайх.

Недопустимость нарушения эстоппеля рассматривается автором с учетом мнений иностранных правоведов Р. Гуда, К. Гхали, Л.-да Денинга, Э. Кока, А. Ловенфельда, Л. Раапе, С. Уилкена и другие.

История правовой мысли представлена в диссертации исследованиями древних китайских мыслителей: Лао-цзы (основоположника даоизма, VI–V вв. до н.э.), Конфуция (Древний Китай, VI в. до н.э.), Гуньсунь Яна (Шан Яна)

(политического деятеля Древнего Китая, 390–338 гг. до н.э.), Гуань Чжуна (политического деятеля, VII в. до н.э.).

Нормативный материал и судебная практика. В состав нормативно-правовой основы исследования входит следующий ряд международных актов: 27 источников отнесены к международным договорам и рекомендациям, 14 источников включены автором в раздел международного права, интеграционных группировок государств, союзов. Применительно к национально-правовым системам нормативно-правовой основой исследования являются 57 актов Российской Федерации, а также осуществлен сравнительно-правовой анализ норм российского права с соответствующим законодательством следующих стран: Австрии, Англии, Германии, Греции, Италии, Китая, США, Франции, Швейцарии, Японии. В диссертации рассмотрены следующие акты судебной и арбитражной практики: решения Международного Суда ООН, Суда ЕС, Суда ЕАЭС, ЕСПЧ, некоторые особые мнения судей международных судов, определения, постановления, информация и обзоры по отдельным вопросам судебной практики КС РФ, ВС РФ, ВАС РФ, акты региональных российских судов.

Цель и задачи исследования. Цель настоящей работы – сформулировать универсальные виды отрицания недобросовестного поведения, присущие разным сферам правоотношений в правовых системах разных стран, чтобы обосновать возможность регулирования частноправовых отношений непосредственно международно-правовым принципом добросовестности за счет его свойства нормативной автономности и присущего ему самостоятельного метода правового регулирования.

Достижение указанной цели осуществлялось посредством решения следующих задач:

- 1) определить место в праве принципа добросовестности как общего принципа права, нормы *jus cogens*, свехимперативной нормы права;

- 2) исследовать процесс становления и развития принципа добросовестности в международно-правовой системе от обычая через позицию суда до закрепления в норме позитивного права национальных правовых систем;
- 3) выявить влияние культурных традиций, норм религии, морали и права на формирование представления о недобросовестном поведении;
- 4) охарактеризовать системную взаимосвязь принципов справедливости и добросовестности;
- 5) обосновать, что «добросовестность» и «недобросовестность» существуют в диалектическом единстве, в связи с чем добросовестность невозможно познать и распознать без ее антипода;
- 6) выявить применение понятия «недобросовестное поведение» и множества его аналогов в нормах права и судебной практике (ЕСПЧ, Суда ЕАЭС, высших судов РФ);
- 7) сформулировать авторское юридическое понятие «недобросовестное поведение» и квалифицирующие недобросовестное поведение признаки;
- 8) дать рекомендации по разрешению вопроса о том, насколько необходимо закреплять юрисдикцию определенного государства над киберпространством для целей осуществления государственного контроля за нарушением принципа добросовестности в киберпространстве;
- 9) исследовать сложившиеся в киберпространстве практики «цифрового недобросовестного поведения» для целей формулирования соответствующих средств правовой защиты от кибернедобросовестности;
- 10) сформулировать отличия ошибки от недобросовестных действий, обосновав, почему ошибка не относится к недобросовестному поведению;
- 11) осуществить классификацию видов недобросовестного поведения;
- 12) определить понятие «отрицание недобросовестного поведения» и его значение в праве как метода правового регулирования, присущего принципу добросовестности;
- 13) осуществить классификацию и установить содержание видов отрицания недобросовестного поведения;

- 14) исследовать, какими правовыми средствами осуществляется защита принципа добросовестности в каждом из видов отрицания недобросовестного поведения, а также закрепить соотношение последних с правовыми средствами для наиболее эффективного применения принципа добросовестности на практике;
- 15) доказать наличие свойства нормативной автономности у принципа добросовестности для целей его применения судами в рамках судебного усмотрения;
- 16) обосновать возможность интегративного правоприменения принципа добросовестности;
- 17) обосновать правоприменение эстоппеля как санкции за нарушение принципа добросовестности.

Объект диссертационного исследования. В качестве объекта диссертационного исследования выступают известные по состоянию на сегодня виды недобросовестного поведения в разных сферах правоотношений, включая киберпространство, на базе которых автор смог выделить универсальные виды отрицания недобросовестного поведения для эффективного применения принципа добросовестности.

Предмет диссертационного исследования. Предметом диссертационного исследования являются: возникновение принципа добросовестности в рамках международной правовой системы; неразрывная взаимосвязь справедливости и добросовестности как «меры прав» и «качества пользования этими правами субъектами правоотношений» соответственно; система (совместное существование) правовых антиподов: «добросовестности» и «недобросовестности», которые рассматриваются автором в диалектическом единстве и с позиции компенсирующей комплементарности, то есть дополнения противоположностей друг другом, - так как оба понятия в ракурсе диалектического анализа являются правовыми категориями, утверждающими друг друга в системе права; определение понятия «недобросовестное поведение» и его аналогов, используемых в

источниках права; отрицание недобросовестного поведения, выявленного судебной практикой по состоянию на сегодня в различных областях общественных отношений; нормы-запреты недобросовестного поведения в международном публичном праве, международном частном праве и гражданском праве; особенности квалификации недобросовестного поведения и защиты законных прав добросовестной стороны в спорах с помощью межотраслевого применения (на базе развивающегося интегративного подхода к применению права) соответствующих правовых средств защиты от недобросовестности.

Теоретическая и методическая основа исследования.

Теоретическую основу исследования составляют следующие группы работ: работы по международному праву, международному частному праву, теории права, иным юридическим дисциплинам национального права; работы по философии, истории и психологии. Аналогичным образом строится и методология исследования, поскольку анализ правовых вопросов последовательно осуществляется в контексте своего значения и обусловленности в рамках международного права, международного частного права, гражданского права, при этом используются понятия общей теории права и отраслевых юридических наук, философии, истории, социологии и психологии.

Главным направлением настоящей диссертации является обоснование развития такого метода правового регулирования общественных отношений, как отрицание недобросовестного поведения путем формирования запретов известных видов такого поведения в нормах международного публичного и частного права. Данный метод применим во всех отраслях международного и национального права. Автор выделил и систематизировал виды отрицания недобросовестного поведения, известные праву по состоянию на сегодняшний день, и вычленил коррелирующие с ними правовые средства для защиты от недобросовестного поведения, часть из которых современное российское право имплементировало из международного права и международного

частного права (например, эстоппель, отказ от права, доктрина «чистых рук» и др.). Для целей гармонизации концепции автора с общетеоретическими выводами были использованы разработанные в теории права определения: «метод правового регулирования», все виды «отрицания», «способ правового регулирования (запрет, дозволение, обязывание)», «правовое средство».

Обобщенное понимание правовых стандартов добросовестности и недобросовестности в разных отраслях права позволило автору сделать упор на разработку понятия «недобросовестное поведение», как обычную практику, которая обнаруживается в судебных спорах судами при разрешении конфликтов. В связи с этим запрет недобросовестности по факту ее обнаружения при рассмотрении спора позволяет обобщить практики и выработать научное понятие «недобросовестное поведение».

По сути, отрицание всех проявлений недобросовестного поведения, как метод правового регулирования, является общественно необходимым для целей защиты начал справедливости и добросовестности в праве.

Таким образом, запреты недобросовестности возникают первоначально из практики (экономической деятельности в данном исследовании) и затем получают свое оформление в нормах права. Алгоритм действия права в этом случае выглядит так: общий принцип права – нарушение общего принципа права – запрет такого недобросовестного поведения – оформление запрета в норме позитивного права. Следовательно, развитие права идет не только от конкретного принципа права, но от конкретного нарушения этого принципа.

Методологическая основа. В процессе исследования автор применил формально-юридический (догматический метод), сравнительно-правовой и исторический методы, а также общенаучные приемы исследования (анализ, синтез, дедукцию, индукцию, обобщение, аналогию, описание, наблюдение, сравнение, классификацию).

Информационная база исследования. Комплекс из 765 источников, использованных автором при исследовании темы диссертации, составляет эмпирическую основу исследования и включает в себя: 366 источника

отечественных ученых; 60 источников на иностранных языках; 22 международных договоров и рекомендаций; 14 источников, относящихся к праву интеграционных группировок государств, союзов; 69 решений и актов международных судов; 6 особых мнений судей международных судов; 49 актов законодательства и рекомендаций РФ; 13 актов законодательства иностранных государств; 69 актов высших российских судов; 12 информации и обзоров высших судов РФ; 19 решений региональных и местных российских судов; 45 источников, относящихся к электронным ресурсам; 21 иных ресурса.

Обоснованность и достоверность результатов исследования подтверждается: анализом правовых позиций международной и национальной судебной практики; сравнением полученных результатов со смежными научными разработками в области международного публичного права, международного частного права и гражданского права России и зарубежных стран. В целях объективного и всестороннего исследования принципа добросовестности проводилось изучение практики закрепления как самой добросовестности, так и ее антиподов, в разных отраслях права, что позволяет квалифицировать материал как достоверный и обоснованный.

Научная новизна исследования. Новизна научного исследования заключается в том, что автор:

- обосновал, что принцип добросовестности, как общий принцип права, норма *jus cogens*, свехимперативная норма права, обладает таким свойством, как нормативная автономность, что позволяет международным и национальным судам применять принцип добросовестности непосредственно для целей создания прав и обязанностей, выводимых из него как такового, даже если договор или нормативный акт не содержат этих прав и обязанностей. На нормативной автономности принципа добросовестности автором обоснована возможность отрицания судом недобросовестного поведения даже в отсутствие в праве четко сформулированной нормы, запрещающей конкретный вид недобросовестного поведения. Наличие нормативной автономности принципа добросовестности подтверждается: (1)

тем, что принцип добросовестности является основой, фундаментом для формирования новых норм права, а значит, может создавать и новые обязательства; (2) тем, что существует *lex mercatoria* как массив источников, объединенных только сферой правового регулирования, из разных правовых систем (международной и национальной) и разной юридической силы (обязательные и рекомендательные); (3) в международном частном праве через критерии формулирования подразумеваемых обязательств в сфере регулирования международной торговли, когда обязанности сторон выводятся не из внешнеэкономического договора, а из честной и деловой практики в этой сфере; (4) интегративным правоприменением; (5) наличием у принципа добросовестности собственного метода правового регулирования – отрицание недобросовестного поведения.

Автор дает собственное определение понятия «принцип добросовестности» – это норма-принцип (общий принцип права и норма *jus cogens*): (1) обладающий свехимперативной юридической силой; (2) являющийся составной частью публичных порядков (международного и национальных); (3) являющийся нормой прямого действия, а не только субсидиарного; (4) обладающий собственным методом правового регулирования, а именно, регулирует общественные отношения посредством отрицания всех видов недобросовестного поведения; (5) критерии, характеристики, признаки и требования которого содержатся в международных и национальных источниках права (обязательных и рекомендательных), судебных правовых позициях, особых мнениях судей (арбитров); (6) обладающий нормативной автономностью, то есть на его основе суд вправе формулировать обязательства сторон спора, не закрепленные договором или нормой права; (7) характеризующийся возможностью интегративного правоприменения, то есть правоприменитель или любой другой субъект права, защищающий свои законные интересы, вправе применить критерии, характеристики, признаки и требования принципа добросовестности, однажды сформулированные в нормах права

(независимо от отрасли права и их юридической силы), судебных правовых позициях, особых мнениях судей (арбитров); (8) являющийся основой межотраслевой аналогии; (9) правовое содержание которого постоянно уточняется и развивается в ситуациях конфликта (споров) для запрета недобросовестного поведения и предотвращения распространения последнего;

- доказал, что современное международное право с целью быстрого купирования развития новых практик недобросовестного поведения в разных экономических сферах идет по пути создания норм-запретов известных по состоянию на сегодня видов недобросовестности, выявленных судебной практикой;

- разработал авторские определения правовых понятий: «недобросовестность», «недобросовестное поведение» и «отрицание недобросовестного поведения как метод правового регулирования», – которые до этого не выступали в качестве самостоятельных объектов научных исследований в отечественной науке права. Российская юридическая наука сосредоточена в основном на изучении принципов справедливости, добросовестности, их критериев и злоупотребления правами, тогда как требуется изучение системы (совместного существования) правовых антиподов: «добросовестности» и «недобросовестности», – которые должны рассматриваться в диалектическом единстве и с позиции компенсирующей комплементарности, то есть дополнения противоположностей друг другом;

- показал новую проблематику развивающейся кибернедобросовестности на базе анализа известных на текущий период видов недобросовестного поведения в сети «Интернет» и с использованием цифровых технологий искусственного интеллекта, оказывающих трансграничное влияние на выбор индивидом, находящимся в любой юрисдикции, модели поведения и управляющих поведением человека как социотехнической системой. Поведение человека вследствие оказанного на него влияния высокими гуманитарными технологиями может расцениваться

как поведение с пороком воли;

- разработал новую внетерриториальную (так как киберпространство не имеет территории) общую правовую концепцию отрицания недобросовестного поведения и его унификации в сложившиеся виды, которым в рамках любой правовой системы соответствуют правовые средства защиты от недобросовестности, складывающиеся из совокупности принципов права, действующих правовых международных и национальных норм, доктрин, норм религии, морали, нравственности и культурных традиций. Разработка данной концепции потребовала привлечения не только работ по международному праву, международному частному праву и гражданскому праву, но и трудов по теории международного права и общей теории государства и права, а также некоторых исследований исторического, философского и психологического характера;

- выполнил не только классификацию видов отрицания недобросовестного поведения, но и соотнес их с коррелирующими с ними правовыми средствами защиты от недобросовестности, что изложено в отдельной таблице (Приложении 1 настоящего исследования) для практического использования в деятельности судов всех уровней;

- показал особенности эстоппеля как санкции за нарушение принципа добросовестности, раскрыв условия его применения как юридического механизма в материальном и процессуальном праве. Также, новым в рамках концепции эстоппеля является выявление злоупотребления эстоппелем, что относится к недобросовестному поведению.

Положения, выносимые на защиту и имеющие научную новизну. Диссертационное исследование соответствует пунктам 1, 2, 6, 8, 21, 29 паспорта научной специальности 5.1.5 «Международно-правовые науки» и пунктам 1, 2, 3, 4, 10 паспорта научной специальности 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки».

Научная новизна исследования детализирована в следующих положениях, выносимых на защиту:

1. Обосновано место в праве принципа добросовестности как общего принципа права, нормы *jus cogens*, сверхимперативной нормы права. Принцип добросовестности является: (1) общим принципом права (согласно преамбуле Венской Конвенции по праву международных договоров 1969 г.); (2) общепризнанным принципом международного права (согласно статье 2 Устава ООН и Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24.10.1970, где данный принцип сформулирован как «добросовестное выполнение международных обязательств»); (3) императивной нормой общего международного права (*jus cogens*) (термин «императивная норма общего международного права (*jus cogens*)» содержится в ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., и он по своему содержанию аналогичен термину «общепризнанные принципы международного права», используемому в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 10.10.2003 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»).

Общие принципы права как нормы-предписания являются общими для всех правовых систем (международной и национальных), так как по своему содержанию эти принципы совпадают в международном и национальном праве, представляют собой категорический императив юридической силы (императивные нормы права, обладающие высшей юридической силой). Общепризнанные принципы международного права представляют собой сверхкатегорический императив юридической силы (сверхимперативную норму права, обладающую наивысшей юридической силой), так как у них появляется дополнительное качество – все договоры и нормы, которые им не соответствуют, являются юридически недействительными с момента появления.

Международными и национальными нормативными актами

используется целый ряд правовых терминов, обозначающих нормы-принципы и подчеркивающих сверхимперативный характер их юридической силы:

- 1) «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями»;
- 2) «общепризнанный в цивилизованных государствах принцип»;
- 3) «императивная норма общего международного права (*jus cogens*)»;
- 4) «общепризнанные принципы и нормы международного права»;
- 5) «общие принципы права» или «общеправовые принципы»;
- 6) «преобладающие императивные положения»;
- 7) «нормы непосредственного применения»;
- 8) «положения, от которых не разрешается отступать посредством соглашения»;
- 9) «публичный порядок». Все указанные юридические термины в определении своих понятий (доктринальном или нормативном) содержат принцип добросовестности.

2. Продемонстрирован процесс становления и развития принципа добросовестности в международно-правовой системе от обычая через позиции судов до закрепления в твердых нормах международного права и национального права разных стран. В результате исследования процесса становления принципа добросовестности установлено, что добросовестность включает в себя требования к поведению субъектов любого правоотношения, а совокупность таких требований составляет нормы-предписания императивного характера, которые вырабатывались обычным путем через многократно повторяющуюся практику, на которую оказали влияние нормы религии и морали, затем были сформулированы в судебных позициях, позднее нашли признание в качестве юридически обязательного правила, и, наконец, закрепление в разных нормах международного права, международного частного права и национального права.

Принцип добросовестности возникает в регулировании правоотношений сторон, имеющих равный правовой статус, который требует добросовестного отношения друг к другу, и такое стало впервые возможным в международном праве при заключении древних международных договоров о союзе и мире.

Принцип добросовестности (*bona fides*) существует в международном праве со времен античного мира как обычай по соблюдению международных договоров, основанный на религии и морали, когда исполнение международного обязательства подкреплялось религиозной боязнью божественной кары в случае его несоблюдения. Римское право оказало влияние на формирование всех современных национальных правовых систем, включая имплементацию (с учетом национальных особенностей) таких категорий римского права, как «*fides*» и «*bona fides*», имевших фундаментальное значение для международных отношений.

Установлено, что современное право учитывает правовые позиции судов (международных и национальных), которые выявляют новые виды недобросовестных практик в разных сферах общественных отношений (финансовых, потребительских и др.) и наполняют содержанием принцип добросовестности при рассмотрении конкретных споров, отказывая в защите недобросовестного поведения. До сих пор судебная практика идет по пути субсидиарного применения принципа добросовестности, тогда как принцип добросовестности предполагает свое непосредственное применение, будучи основой создания других норм права.

3. Доказано влияние культурных традиций, норм религии, морали и права на формирование представления о недобросовестном поведении. Правовая система каждого из государств при квалификации поведения в качестве недобросовестного опирается не только на нормы права, закрепляющие принцип добросовестности, но и на культурные традиции, нормы религии и морали. Следует отметить, что, как правило, к национальному публичному порядку (кроме фундаментальных правовых начал (принципов), требований о добросовестном поведении и о соблюдении явно и недвусмысленно выраженных (императивных) предписаний законов, основополагающих принципов права, запретов на совершение действий, прямо запрещенных свержимперативными нормами законодательства), правовая доктрина относит добрые нравы и культурные традиции, которые

отличаются разнообразием согласно историческому опыту каждого из государств. Традиции обществ одних государств могут не соответствовать публичным порядкам других государств, но у всех совпадает самое известное в многовековой истории формулирование запретов недобросовестного поведения, которое содержится в таких религиозных источниках, как: Библия – собрание текстов, являющихся священными в иудаизме и христианстве и составляющих Священное Писание в этих религиях; Коран – Священная Книга мусульман, где собраны Откровения, переданные Аллахом Пророку Мухаммаду.

Религиозные источники изначально пошли по пути закрепления запретов недобросовестного поведения: (1) десять заповедей по Синодальному переводу Библии содержат запреты недобросовестного поведения; (2) согласно Корану можно выделить тридцать пять наиболее важных поведенческих запретов в исламе; (3) в буддизме полезным признается воздержание от десяти неправильных действий тела, речи и ума. Единообразие запретов поведения, содержащихся в религиозных источниках, сформировали у мирового сообщества (человечества как единого субъекта) преимущественно одинаковое представление о недобросовестном поведении. Таким образом, до сих пор самым эффективным и быстрым способом защиты от недобросовестности является установление в нормативных правовых актах норм-запретов появляющихся новых видов недобросовестного поведения.

4. Установлена системная диалектическая взаимосвязь принципов справедливости и добросовестности. Принцип добросовестности существует во взаимосвязи с принципом справедливости, как две стороны одной медали, олицетворяя один из основных законов диалектики – закон перехода количественных изменений в качественные, где: (1) справедливость – количественная характеристика, представляющая собой меру свободы каждого в пользовании своими правами, а (2) добросовестность – качественная характеристика, отвечающая на вопрос, насколько добросовестно лицо пользуется своими правами. Принципы справедливости и

добросовестности являются общими принципами права, формирующими публичный порядок государств, а также обладающими сверхимперативностью, что означает регулирование общественных отношений данными принципами даже в отсутствие четких норм позитивного права в тех областях, где возникают новые виды недобросовестного поведения. Такое регулирование отношений принципами справедливости и добросовестности возможно в силу их системности – общего качества работы в системе за счет набора взаимосвязанных элементов, которые ведут себя как единое целое.

5. Обосновано, что «добросовестность» и «недобросовестность» существуют в диалектическом единстве, в связи с чем добросовестность невозможно познать и распознать без ее антипода. Существует системность понятий «добросовестности» и «недобросовестности» как в общественных отношениях, так и в праве. Общественные отношения состоят из поведения людей, которое может быть классифицировано по критерию его добросовестности и недобросовестности, поэтому в праве одинаково полезно разрабатывать понятия «добросовестности» и «недобросовестности», которым присуща системность, означающая, что добросовестность невозможно познать без ее противоположности – недобросовестности.

Таким образом, «добросовестность» и «недобросовестность» должны рассматриваться в диалектическом единстве и с позиции компенсирующей комплементарности, то есть дополнения противоположностей друг другом: отрицание недобросовестного поведения утверждает добросовестность в праве.

6. Выявлено применение терминов «недобросовестное поведение», «недобросовестные действия», «недобросовестная практика» и более тринадцати производных аналогов в нормах международного и национального права, судебной практике (ЕСПЧ, Суда ЕАЭС, высших судов РФ). Термин «недобросовестное поведение» и его производные аналоги применяются нормотворцами и судами для выражения в нормах права

крайней степени неприемлемости определенного вида поведения и подчеркивания его несоответствия стандартам добросовестного и разумного осуществления прав, а также для усиления внимания на установлении правовых запретов определенных видов недобросовестного поведения, приумножения его отрицания.

Юридическая терминология отрицания недобросовестности включает в себя: (1) нормы международного права, использующие термин «недобросовестная практика» для ее запретов в различных сферах международного торгового оборота (в СНГ и ЕС: на рынке электронной торговли, в сфере защиты прав потребителей, на рынке товаров и услуг на цифровом пространстве). Установлено, что сформулированные за последние пять лет странами примеры недобросовестных практик в разных сферах международного торгового оборота, в том числе в онлайн-пространстве и сервисах без государственных границ, свидетельствует о развитии понятия «недобросовестное поведение» как в мягких (рекомендательных), так и в твердых (обязательных) нормах международного права; (2) ЕСПЧ оперирует термином «недобросовестное поведение» в разных категориях дел: по делам о лишении права собственности на жилье без компенсации; налоговым вопросам; о недобросовестной конкуренции; о недобросовестной врачебной практике; (3) Суд ЕАЭС применял понятие «недобросовестности» по делам о недобросовестной конкуренции, недобросовестном толковании полномочий ЕЭК, а термин «недобросовестное поведение» - по вопросам лизинговой деятельности.

Российское право идет по аналогичному с международно-правовым пути развития принципа добросовестности: через установление прямых и конкретных запретов его нарушения недобросовестным поведением участников коммерческого оборота. Понятие «недобросовестное поведение» применяется и раскрывается, в ряде положений российского законодательства. С 01.09.2022 вступили в силу изменения в ст. 16 Закона Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-I «О защите прав потребителей»,

которые ввели термин «недопустимые условия договора, ущемляющие права потребителя» и перечислили в законе пятнадцать известных практике по состоянию на сегодня недопустимых условий (недобросовестных практик).

Установлено, что недобросовестное поведение всегда имеет индивидуализацию (т.е. зависит от характеристик и личных качеств индивида, допустившего отклоняющееся от нормы поведение), в связи с чем появились психолого-правовые дефиниции таких видов недобросовестного поведения, как «отклоняющееся (девиантное) поведение» и «негативные отклонения в поведении человека», разработанные Минобрнауки России в 2017 г. Российская судебная практика активно использует термины «недобросовестные действия» и «недобросовестное поведение» при рассмотрении спорных ситуаций в различных отраслях права. За последние пять лет российская судебная практика с учетом фактических обстоятельств дел пополнила реестр недобросовестных действий участников правоотношений, сформулировав конкретные ситуации, в которых поведение стороны спора было признано недобросовестным (в том числе посредством установления его противоречия п. 4 ст. 1 ГК РФ).

Во всех нормах недобросовестное поведение описано через перечисление его индивидуальных признаков в разных областях правоотношений, но определение его понятия не дается.

7. Впервые сформулировано авторское юридическое понятие «недобросовестное поведение» в праве – это поведение субъекта права, которое обладает признаком реальности (оно не может носить гипотетический характер), имеет прямую причинно-следственную связь с негативными экономико-правовыми последствиями, возникшими у других субъектов права, имеет индивидуализацию (оно связано с конкретным носителем поведения) и по итогу сопоставления со всеми видами отрицания недобросовестного поведения явно свидетельствует о недобросовестности (очевидном отклонении действий от добросовестного поведения), что привело к необходимости применения судом правовых средств отрицания

недобросовестного поведения.

Характеристиками недобросовестного поведения, имеющими значение для его квалификации в качестве такового, являются: (1) волевой выбор недобросовестного поведения актором; (2) его непредсказуемость для контрагента (несоответствие законным ожиданиям); (3) антисоциальность его цели, заведомо противной основам правопорядка или нравственности; (4) направленность на несбалансированность интересов участников правоотношений, причинение вреда, нарушение прав и свобод других лиц; (5) несоответствие намерений совершаемым действиям; (6) использование прав не в соответствии с целью правового регулирования.

8. Даны рекомендации по разрешению вопроса о том, насколько необходимо закреплять юрисдикцию определенного государства над киберпространством для целей осуществления государственного контроля за нарушениями принципа добросовестности в киберпространстве. Вследствие стремительного развития научно-технического прогресса неконтролируемым становится движение информационных потоков и недобросовестных практик за пределы национальных границ посредством сети «Интернет», возникают споры о юрисдикции и суверенитете государств в киберпространстве. Отказ от ограниченности юрисдикции государств их географическими территориальными пределами для целей осуществления государственного контроля за правоотношениями в киберпространстве возможен при выполнении следующих предлагаемых автором диссертационного исследования мероприятий: (1) признание экстерриториальной юрисдикции, которая предполагает возможность осуществления национальной юрисдикции государства за пределами его территории; (2) критериями выбора национальной юрисдикции государства, которая будет осуществляться за пределами его территории, могут быть не только те, которые используются в качестве коллизионных привязок для урегулирования спорных правоотношений в киберпространстве, осложненных иностранным элементом, но и критерий места регистрации международного юридического

лица, созданного международным договором для целей управления киберпространством как коммерческим продуктом (по примеру Предприятия, созданного по Конвенции по морскому праву 1982 г.). Такое международное юридическое лицо создается государствами международным договором; не обладает какой-либо государственной принадлежностью; ему не присуща известная национальному праву организационно-правовая форма; пользуется правовым режимом наиболее благоприятствуемой нации без требования взаимности; обладает абсолютными международными иммунитетами; осуществляет коммерческую деятельность с целью получения дохода в интересах всего человечества; свободно из-под контроля какого-либо государства или группы государств, а значит отсутствует риск влияния на него односторонних мер ограничительного характера; (3) создание международного частного цифрового (сетевого) права, чтобы не допустить развитие саморегулирования киберпространства. Роль в создании типовых универсальных законов в сфере регулирования киберпространства также видится за специализированными международными организациями, в рамках которых могут быть созданы органы с предметной компетенцией по вопросам глобальных угроз распространения недобросовестного цифрового поведения в киберпространстве. При этом юрисдикционная компетенция таких органов будет предусматривать право принятия по этим вопросам решений обязательного характера, имеющих на территории государства-члена без трансформации ту же юридическую силу, что и национальный закон. Создание органа, специализирующегося на правовом регулировании проблемных вопросов частного характера в киберпространстве, допустимо на уровне союза государств; (4) необходимо определить виды недобросовестного поведения в киберпространстве, для целей возможности правильного применения к ним правовых средств отрицания недобросовестного поведения (в том числе в виде технических правил) и корреспондирующей им ответственности; (5) необходимо пересмотреть международные соглашения об избежании двойного налогообложения, которые должны установить

принципы взимания налогов для ситуаций, когда поставщик электронных услуг из одного государства может оказывать услуги потребителям разных стран мира, не присутствуя в странах потребителей услуг.

9. Выделены сложившиеся в киберпространстве практики «цифрового недобросовестного поведения» для целей формулирования соответствующих средств правовой защиты от кибернедобросовестности. Предотвращение распространения в киберпространстве выявленных практикой видов трансграничного цифрового недобросовестного поведения (кибернедобросовестности) зависит от закрепления в нормах права цифровых средств защиты. Проблемы недобросовестного поведения связаны с развитием и трансграничной доступностью цифровых технологий. В диссертации выделены следующие известные на сегодня виды кибернедобросовестности: нарушение авторских и смежных прав; киберсквоттинг; дип-фейки; кубербуллинг; незаконное содержание размещаемого провайдерами контента; диффамации; перехват sms; использование интернет-ресурсов как средства радикализации настроений интернет-пользователей; фишинг (установка вредоносных программ, в том числе похищение персональных данных с требованием выкупа за их неиспользование и возврат оператору); кибератаки, блокирующие работу цифровых систем корпораций, - в связи с чем современные учёные начали изучать характеристики антисоциального цифрового поведения.

Появление широкого перечня видов недобросовестного цифрового поведения стало поводом для создания новых технологий кибербезопасности. Средствами защиты от трансграничного цифрового недобросовестного поведения являются цифровые средства, которые требуют правового закрепления. Для предотвращения распространения недобросовестного цифрового поведения предлагается в нормах права закрепить следующие цифровые средства защиты: (1) блокчейн или его аналог «мастерчейн» как инструменты защиты от недобросовестных действий при выдаче цифровых банковских гарантий (в Республике Беларусь принят ряд нормативных

правовых актов, регулирующих использование технологий блокчейна); (2) использование таких средств идентификации субъекта цифровых прав, как наделение субъекта кодом идентификации; (3) введение запретов недобросовестного цифрового поведения, оказывающего влияние с помощью цифровых технологий на поведение больших групп людей с помощью использования информации, адаптированной к психологическим потребностям целевых аудиторий; (4) определение исчерпывающего перечня субъектов, имеющих право на использование Больших данных («Big data»), и установление пределов использования этих данных. Создание правил, регулирующих цифровое поведение пользователей Интернет-сети, необходимо в связи с тем, что цифровые технологии используются недобросовестными участниками правоотношений как для обхода закона (например, использования участниками картеля аукционных роботов, ведущих деятельность в обход норм антимонопольного законодательства), так и для ценовой дискриминации потребителей с использованием «Big data».

Право в текущем моменте не учитывает влияние высоких гуманитарных технологий (Hi-Hume-технологий) на поведение физических лиц (их целевые группы) и не использует тот факт, что эти технологии могут разрушать механизмы саморегуляции человека, в связи с чем поведение субъекта правоотношения под влиянием технологий можно квалифицировать как поведение с пороком воли.

10. Сформулированы отличия ошибки от недобросовестных действий с обоснованием того, почему ошибка не относится к недобросовестному поведению. Ошибка не является проявлением недобросовестности, в связи с чем право на исправление ошибки предоставляется любым субъектам, в том числе государственным органам (налоговым органам, судам и др.), в разных сферах правоотношений (частноправовых и публично-правовых). Недобросовестное действие всегда характеризуется волевым решением субъекта о выборе в пользу такого поведения, тогда как ошибка характеризуется случайностью и отсутствием умысла. Важно то, что

допускается устранение ошибки без негативных правовых последствий для лица, допустившего ошибку, если она исправляется им в разумный срок и если ее исправление не ухудшает положение каких-либо субъектов. Ошибочное применение своей компетенции государственным органом может быть исправлено им самим безусловно, т.к. ошибка не может искажать или нивелировать компетенцию государственных органов, императивно предусмотренную законом.

11. Осуществлена впервые классификация недобросовестного поведения в праве по семи признакам: (1) по субъектному составу (т.е. в зависимости от того, кто недобросовестно действует или бездействует); (2) по направленности действий; (3) по характеру воли носителя поведения (актора); (4) в зависимости от истинных намерений актора; (5) в зависимости от результата (т.е. в зависимости от того, кому причинен ущерб); (6) по характеру действий; (7) по сфере регулирования правоотношений. Разработанная в диссертационном исследовании классификация (в совокупности с сформулированными автором диссертации квалифицирующими признаками недобросовестного поведения) помогает наиболее эффективно выделить основные виды поведения, которые могут быть безошибочно квалифицированы судом как недобросовестные.

12. Определено впервые понятие «отрицание недобросовестного поведения» и его значение в праве как самостоятельного метода правового регулирования, присущего принципу добросовестности. Принцип добросовестности обладает собственным методом правового регулирования, выраженном в отрицании. Метод правового регулирования - это совокупность приемов и средств воздействия права на поведение лиц в определенной сфере общественных отношений. Отрицание недобросовестного поведения как метод правового регулирования реализуется через применение правовых средств, закрепленных международными (обязательными, рекомендательными) и национальными нормами права для защиты от недобросовестности. Отрицание в международном частном праве является

материально-правовым методом регулирования, а, с точки зрения частноправовой унификации, отрицание недобросовестного поведения заключается в создании: (1) материально-правовых норм: (а) запретов недобросовестных практик; (б) обязываний (например, обязательств государств обеспечивать сверхимперативность запретов недобросовестных практик); (в) дозволений (например, право вето регулятора, особое мнение); (2) рекомендательных норм (например, Принципы УНИДРУА и др.)

С позиций общей теории права отрицание представляет собой смешанный метод правового регулирования. Смешанный метод обусловлен тем, что добросовестность является общим принципом права, нормой общего международного права (*jus cogens*), сверхимперативной нормой международного частного права, межотраслевым принципом национального права, обладающими наивысшей юридической силой (т.к. составляет публичный порядок) при регулировании как межгосударственных отношений, так и отношений в сфере международного частного права и национального права. Точечное и адресное применение принципа добросовестности осуществляется через применение правовых средств, суть которых заключается в предложении конкретных механизмов, с помощью которых могут быть решены те или иные социально-экономические задачи.

Определяющим значением отрицания недобросовестного поведения в праве является то, что оно представляет собой метод правового регулирования, реализуемый через применение участниками правоотношений и судами способов правового регулирования (запретов, обязываний и дозволений, основанных на принципе добросовестности) и соответствующих им правовых средств.

Отрицание, как основа для принятия судебного решения, формулируется через оценку поведения субъектов правоотношения судом с учетом фактических обстоятельств дела. При этом отрицается поведение с намерением причинить вред, либо нарушающее публичный порядок, либо приведшее к злоупотреблению правами, либо направленное на обход закона,

либо мешающее надлежащим образом выполнить иное конкретное правовое предписание международного договора или национального закона, либо не соответствующее цели правового регулирования, для достижения которой был принят определенный нормативный правовой акт, и др. Таким образом, через отрицание как способ правового регулирования суд определяет границы осуществления прав.

13. Предложена впервые правовая классификация видов отрицания недобросовестного поведения, соответствующая текущему историческому периоду. В основу классификации положено то, каким образом осуществляется современным международным и национальным гражданским правом отрицание недобросовестности в публично-правовых и частноправовых отношениях. Автор выделяет следующие двенадцать видов отрицания недобросовестного поведения: (1) свойство нормативной автономности принципа добросовестности; (2) недопустимость нарушения принципа баланса публичных и частных интересов; (3) недопустимость нарушения принципа взаимности; (4) недопустимость нарушения международного и национального публичных порядков; (5) недопустимость поведения, выходящего за установленные пределы осуществления прав и (или) правомочий; (6) запрет дискриминации; (7) антиуклонительные и антизлоупотребительные правила (недопустимость осуществления недобросовестных коммерческих практик и недобросовестных практик на финансовом рынке; недопустимость злоупотребления налоговыми правами и уклонения от уплаты налогов); (8) недопустимость злоупотребления цифровыми технологиями (кибернедобросовестности); (9) правовая позиция суда (арбитража); (10) особое мнение: особое мнение члена органа корпоративного управления; особое мнение члена комиссии, созданной в соответствии с установленной законодательством процедурой; особое мнение судьи (арбитра); (11) вето (имеется в виду вето на решение регулятора, имеющее значение для гражданско-правовых отношений); (12) договорные виды отрицания недобросовестного поведения.

14. Установлено, что каждому виду отрицания недобросовестного поведения соответствует релевантное правовое средство или набор (совокупность) нескольких правовых средств. Исследовано, какими правовыми средствами осуществляется защита принципа добросовестности в каждом из видов отрицания недобросовестного поведения, а также закреплено соотношение последних с правовыми средствами для наиболее эффективного применения принципа добросовестности на практике. Таблица соотношения правовых средств и видов отрицания недобросовестного поведения является Приложением № 1 к настоящему диссертационному исследованию.

15. Доказано наличие свойства нормативной автономности у принципа добросовестности для целей его применения судами в рамках судебного усмотрения. Принцип добросовестности обладает нормативной автономностью в связи с его возможностью создавать юридические обязательства, что свойственно преимущественно для международного инвестиционного права, международного коммерческого права, международного частного права.

Нормативная автономность принципа добросовестности «ломает» юридический оксюморон, заключающийся в утверждении о том, что добросовестность не способна породить права и обязанности, но при этом способна создать принципы и нормы права, которые, в свою очередь, регулируют права и обязанности. В противовес позиции Международного Суда по делам 1974 года о ядерных испытаниях автор доказывает наличие нормативной автономности у принципа добросовестности, предполагающей возможность выведения правоприменителем из принципа добросовестности юридических прав и обязательств для сторон правоотношения, даже если эти права и обязательства не были конкретно сформулированы сторонами в договоре или не были закреплены нормами позитивного права.

Работа судов всех уровней, международных и национальных, по формулированию обязанностей на базе нормативной автономности принципа добросовестности способствует созданию передовых правовых позиций судов

по сложным вопросам права, где существуют пробелы правового регулирования или вариативность толкования действующих правовых норм из-за их абстрактного характера. В исследовании сделан вывод о том, что в сфере международного частного права принцип добросовестности может и должен быть источником обязательств, особенно в тех сферах общественных отношений, где при отсутствии достаточного материального правового регулирования и договорных норм появляются недобросовестные практики, то есть наиболее активно развивается недобросовестное поведение и его виды.

Мягкие нормы как источник международного частного права, как часть *lex mercatoria*, содержат в себе нормы с подразумеваемыми обязательствами участников внешнеэкономической сделки, вытекающие из добросовестности и честной деловой практики, а также общие ориентиры для развития национального права. Наличие в рекомендательных нормах международного частного права «подразумеваемых обязательств» контракта (условий, которые прямо в контракте не определены) является также доказательством наличия нормативной автономности принципа добросовестности в сфере регулирования международной торговли, так как дает возможность суду формулировать (выводить) обязательства сторон по внешнеэкономическому контракту из добросовестности.

Примеры таких мягких норм международного частного права: Модельные правила европейского частного права (Draft Common Frame of Reference (DCFR)), Принципы европейского договорного права, Принципы УНИДРУА, Онлайн-система принципов и правил «Принципы Translex» (Translex-Principles), Модельный гражданский кодекс для государств – участников СНГ (часть первая). В национальном праве нормативная автономность принципа добросовестности способствует применению высшими судами межотраслевой аналогии закона.

16. Обоснована возможность интегративного правоприменения принципа добросовестности. Принцип добросовестности включает в себя совокупность тех норм, которые право (международное и национальное)

успело создать по состоянию на сегодня для оценки качества поведения субъектов правоотношений во всех сферах и для отрицания недобросовестного поведения. Поэтому для целей применения добросовестности, как общего принципа права, суды и участники судебного процесса могут ссылаться на любые источники права, конкретизирующие принцип добросовестности. При этом не имеет значение, в каких нормах права описан принцип добросовестности, т.е. не имеет значение: (а) национальным или публично-правовым актом этот источник был создан; (б) для регулирования какой сферы правоотношений (частных или публичных) этот источник предназначен; (в) юридическая сила источника (обязательная или рекомендательная), чтобы применить принцип добросовестности. Для применения принципа добросовестности судам и спорящим сторонам достаточно ссылаться на наиболее подходящее для рассматриваемого спора описание критериев добросовестности из любого источника права. Формулирование критериев добросовестного поведения в любом источнике права является универсальным юридическим механизмом. На современном этапе развития права, с учетом процессов глобализации, следует признать возможность применения положений о добросовестности из любого источника права (хотя бы субсидиарно), не зависимо от сферы (отрасли, вида деятельности) его применения, так как значение имеет только то, насколько подходящим образом сформулированы в этом источнике критерии добросовестного или недобросовестного поведения для разрешения конкретного спора. Такой способ применения принципа добросовестности относится к интегративному правоприменению.

17. Обосновано правоприменение эстоппеля как санкции за нарушение принципа добросовестности. Эстоппель (estoppel) – это правовой механизм защиты принципа добросовестности и санкция за нарушение принципа добросовестности. Эстоппель защищает от противоречивого и непоследовательного поведения, включен в принцип добросовестности и направлен на его защиту посредством лишения стороны конфликта (спора)

права ссылаться на какие-либо факты, оспаривать или отрицать их ввиду ранее ею же сделанного заявления об обратном в ущерб противоположной стороне в процессе судебного или арбитражного разбирательства. Принцип добросовестности всегда имел особый механизм своей защиты – это эстоппель, который поддерживает качество принципа добросовестности (поскольку добросовестность – это качественная характеристика поведения субъекта права). Эстоппель в материальном и процессуальном праве начинает действовать как санкция за нарушение принципа добросовестности в момент установления судом фактических обстоятельств, свидетельствующих о противоречивом и непоследовательном поведении стороны спора. Эстоппель действует как вето (формула протеста), блокирующее все виды недобросовестного поведения, известные и неизвестные по состоянию на сегодня, так как его роль в праве – купировать любую недобросовестность во всех случаях. Поэтому даже тогда, когда норма позитивного права еще не выработана, когда она еще только формируется и существует на уровне рекомендации, принцип добросовестности в праве уже защищен, потому что есть правовой механизм его защиты – эстоппель.

Теоретическая и практическая значимость исследования подтверждается содержанием сделанных выводов, расширяющих знание о принципе добросовестности как общем принципе права, норме *jus cogens* и сверхимперативной норме, его свойстве нормативной автономности, собственном методе правового регулирования – отрицании недобросовестного поведения, возможностях его интегративного применения международными и национальными судами, защищающем его правовом механизме – эстоппеле. Положения диссертационного исследования имеют научную новизну и оказывают влияние на развитие источников международного права, международного частного права и национального гражданского права, а также на разработку общеправовых доктрин в области взаимодействия международного и внутригосударственного права. Практическая значимость исследования состоит в возможности

использования судами таблицы классификации видов отрицания недобросовестного поведения с целью определения соответствующих им правовых средств. Критерии принципа добросовестности, стандарты ее доказывания, правовой механизм эстоппеля для защиты от недобросовестности и условия его применения будут полезны практикующим юристам. Результаты исследования могут быть использованы при написании научных работ по принципам права, а также в процессе преподавания дисциплин «Международное публичное право», «Международное частное право», «Гражданское право РФ», «Сравнительное правоведение».

Диссертационная работа имеет практическое значение, так как ее результаты могут быть использованы государственными органами и юридическими лицами при защите своих законных интересов от недобросовестного поведения других субъектов общественных отношений.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации нашли отражение в докладах автора в рамках участия в 26 международных, всероссийских, межрегиональных и региональных конференциях, которые проходили в Белгороде, Вологде, Казани, Минске, Москве, Перми, Санкт-Петербурге, Саратове.

Материалы исследования использовались для подготовки и чтения лекций по дисциплинам «Международное частное право» и «Правовые основы общего энергетического рынка», преподаваемым автором в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Российский государственный университет правосудия»; на мастер-классах по юридическим тематикам, проводимых автором для магистров Международного института энергетической политики и дипломатии Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»; по дисциплине «Международное, европейское и национальное экологическое и энергетическое право и правосудие»,

преподаваемой автором для магистров Института государственной службы и управления Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Перечень публикаций автора. Основные положения диссертационного исследования нашли свое отражение в 30 публикациях, 19 из которых – в ведущих рецензируемых научных изданиях, указанных в перечне Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (включая публикации в изданиях, отнесенных к категории К-2), 11 – в научных журналах и сборниках статей, а также в 3 монографиях и 1 учебном пособии.

Структура и объем диссертации. Структура диссертации обусловлена ее целью и задачами. Работа состоит из логично выстроенной структуры исследования: оглавления, списка сокращений, введения, четырех глав, включающих четырнадцать параграфов, заключения, приложения в виде таблицы, списка использованных источников и литературы.